

Мор. - 12
96-177

разъ.

С-11

Фельетонъ „Петербургской Газеты“.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Ан. П. Чеховъ.

Есть писатели, отъ которыхъ постоянно чего-нибудь ждутъ. Критика ждетъ, публика ждетъ. Отъ Тургенева чуть не до конца его жизни ждали. Теперь вотъ Толстой. Кажется, выказался человекъ. После «Войны и Мира», после «Анны Карениной», что можно написать? чѣмъ удивить? чѣмъ поразить? Неужели «Властью Тьмы»? неужели «Крейсерою Сонатой»? неужели рассказъ о томъ, какъ старшина присяжныхъ влюбился въ посправедливо осужденную нѣтъ престижку, доведенную до паденія товарищемъ прокурора? Но однако-же и отъ Толстаго ждутъ какого-то послѣдняго слова.

Конечно, всѣ эти ожиданія и надежды свѣдѣтельствуютъ только объ интересѣ, который сохраняется въ обществѣ къ нѣкоторымъ писателямъ. Жизнь идетъ впередъ и подчиняется разнообразнымъ настроеніямъ. Намъ хочется видѣть, какъ все это отразится въ душѣ нашихъ любимыхъ художниковъ, и какъ они откликнутся на наши сердечныя боли, и какъ удовлетворятъ наши умственные запросы.

Если ждутъ чего-нибудь отъ писателя, то это явной признакъ, что онъ вносить счастье въ жизнь людей, что онъ способствуетъ накопленію духовнаго богатства нашего. Возможныя надежды въ этомъ случаѣ соотвѣ-

ствуютъ аплодисментамъ и «bis», выпадающимъ въ театрахъ на долю первоклассныхъ артистовъ. Можетъ быть, повтореніе будетъ слабѣе—нужды нѣтъ: ней хоть тресни, потому что мы тебя любимъ.

Заранѣ извиняюсь передъ нашими литературными корифеями за то, что я приведу ихъ имена, такъ сказать, всуе. Вотъ они: гг. Альбовъ, Баранцевичъ, Мачетъ, Макинъ, Эртель, Потапенко, Кареленко, Амфитеатровъ, Щегловъ... кого еще назвать? Впрочемъ, не довольно-ли? Положи руку на сердце, скажите, кто изъ нихъ подаетъ еще надежды? кто еще напишетъ повѣсть, которая поразила-бы оригинальностью красокъ, силой настроенія, блескомъ формы?

Я оставляю этотъ вопросъ открытымъ. Я лично жду многого отъ Чехова. Возможно, что послѣдующія повѣсти его будутъ слабѣе его роскошной «Степи», но я жду; и такъ какъ я жду, я зачисляю его въ ряды большихъ писателей. Не сомнѣваюсь, что и всѣ всегда будутъ «ждать» отъ него. Онъ всегда будетъ возбуждать самые тонкіе нервы нашей души и вызывать въ насъ потребность все новаго и новаго общенія со струнами, художественно-дрожавшими въ его сердцѣ.

Чехова упрекаютъ, что онъ холоденъ. Но холодъ его есть не что иное, какъ объективность. А объективность есть рѣдкій даръ Божій, которымъ владѣетъ еще не каждый художникъ. Чеховъ въ разн горючаго лирика потерялъ-бы половину обаянія. Его талантъ сродни таланту Толстаго. Онъ написалъ множество прелестныхъ юмористическихъ рассказовъ, но постепенно нуга его становится серьезнѣе и улыбки онъ нѣмного снѣмается

рта уже оттягиваются книзу. Сѣдина мудрости украшаетъ ся голову, и она должна теперь сознать, что каждому слову ея придать значеніе. Стилъ Чехова, легкій и вѣжливый въ началѣ, какъ-то солядно отяжелѣлъ въ послѣдніе годы. Онъ пишетъ спокойно, видно, что не торопится, и перо его самоуверенно чертитъ фигуры лицъ, представляющихъ его ясному воображенію.

Рассказъ А. П. Чехова—«Убіѣство», напечатанный въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли», имѣетъ какой-то этнографическій отбѣнокъ, но вѣкъ романовъ покойнаго Печерскаго. Вотъ почему онъ не совсѣмъ удовлетворилъ меня. Этнографія это балластъ въ чисто художественномъ произведеніи. Я не порицаю за это г. Чехова—художникъ воленъ писать, какъ ему заблагорассудится. Чеховъ захотѣлъ дать намъ полуетнографическую повѣсть, и мы должны видѣть въ ней то, что есть. Критика обязана смотрѣть на художественныя произведенія подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, какой поставленъ авторомъ. То-же самое, вѣдь, и съ картиной. Взгляните на нее *contre-jour* или не по перспективѣ—зайдите справа, вѣсто того, чтобы смотрѣть слева, и вы, разумѣется, разочаруетесь. Однако, вы сами будете виноваты. Научитесь сначала находить точку зрѣнія на художественные образы, а затѣмъ уже принимайтесь за критику. Поставлю себя въ примѣръ, хотя это и очень нескромно. На «Восточный магазинъ» г. Засодимскаго, продолжающій печататься въ «Новомъ Словѣ», я прежде всего несмотрѣлъ самымъ либеральнымъ и даже радикальнымъ образомъ. Кремль того, я видалъ самый тупой уголъ зрѣнія, желая

быть спускательнымъ. Повѣсть оказалась «сапогами въ смятку. Немоя въ томъ вина. Можетъ быть, умственнымъ очамъ г. Засодимскаго герой его, Вьюшинъ представляется идеаломъ человѣка—въ качествѣ врага существующаго порядка вещей. Но въ повѣсти онъ ситѣмалъ этого врага съ самымъ зауряднымъ мерзавцемъ. Возвращаясь къ рассказу Чехова, я долженъ пояснить, что неудовлетворительность «Убіѣства» чисто условная. Я ждалъ одного, прочиталъ другое. Но и то, что я прочиталъ, представляетъ собою вѣчто далеко не заурядное, и хотъ вкратцѣ я долженъ остановиться на «Убіѣствѣ».

Жили-были два брата. Оба они не довольны духовною пищею, предлагаемой имъ православіемъ, и душа ихъ мается въ поискахъ за истинной. Въ концѣ концовъ, они отпадаютъ отъ церкви, хотъ и не пристають ни къ какой определенной сектѣ. Одного зовутъ Матвѣемъ, другого Яковомъ.

Матвѣй еще въ малолѣтствѣ былъ приверженъ къ религіи. Еще въ двѣнадцать лѣтъ онъ читалъ апостола въ церкви, каждое лѣто онъ ходилъ съ матерью на богомолье. Когда онъ подросъ, водки не пилъ, табаку не курилъ, соблюдалъ чистоту тѣлесную. По погдѣльникамъ онъ далъ обѣтъ не ѣсть скоромнаго, а отъ мяса совсѣмъ отказался и, вообще, съ теченіемъ времени нашла на него «фантазія». Въ первую недѣлю Великаго поста Святые Отцы положили сухояденіе. У него-же до самаго воскресенья ни крошки во рту не было. По этому поводу любопытно признаніе Матвѣя. «Хочется кушать только въ первые дни поста, а потомъ привыкаешь, становится все легче и, гляди,

н-о

въ концѣ недѣли совѣить ничего, и въ по-
гахъ онѣиіе, будто ты не на землѣ, а на
облацѣхъ». Отъ постоянного самоусовершенствованія началъ Матвій гордиться, сталъ равни-
вать священниковъ, которые не были-бы
табачниками и скоромниками. Сталъ онъ и
монаховъ осуждать. Стоить въ церкви, а отъ
гвѣва сердце трясется. И представляется ему,
будто народъ не такъ крестится.

Всѣ блудники—одни только онъ живетъ
по заповѣдямъ.

Нанялъ онъ у глухой мѣщанки комнату-
шечку, далеко за городомъ, у кладбища,
устроилъ молельную, и началъ служить у
себя всенощный. Женщины прежде всего увѣ-
ровали въ него.

«Я читалъ, а бабки и старыя дѣвки пѣли
и этакъ, долго не ѣвши и не живши, про-
стоявши на ногахъ сутки или больше,
вдругъ начинается съ ними трясеніе, будто
ихъ лихорадка бьетъ, потомъ то одна крикнетъ,
то другая и этакъ страшно». «Начинаютъ наши
ноги прыгать. Чудно, право, не хочешь, а
прыгаешь и ногами болтаешь; и потомъ этотъ
крикъ, виагъ, всѣ пляшемъ и другъ за дру-
гой бѣгаемъ, бѣгаемъ до упаду». И такимъ
образомъ, въ дикомъ безпамятствѣ впалъ
Матвій въ блудъ.

Это заставило Матвія вернуться въ цер-
ковь. Онъ понялъ, что спасеніе не въ пост-
номъ наслѣ, и что къ людямъ надо отно-
ситься снисходительно. Пусть они и пьютъ, и
скоромничаютъ, и курить, но не забываютъ
образъ человѣческаго. Натура у Матвія была
страстная и порывистая.

Яковъ былъ старше. Въ церковь онъ не
ходилъ, потому что, по его мнѣнію, тамъ це-

точно исполняли уставъ. Это былъ букво-
ѣдъ, книжникъ. Не только въ религіоз-
ной, но и въ обыденной жизни, онъ стро-
го держался устава, и если въ Великомъ
посту разрѣшалось нить вино, онъ пилъ его,
даже когда не хотѣлось. Молился онъ не для
того, чтобы вымолить у Бога себѣ какія-ни-
будь-блага, а для порядка. Когда ему прихо-
дилось по необходимости нарушать этотъ по-
рядокъ, напримѣръ, увѣжать въ городъ за
товаромъ или въ банкъ, онъ страшно тер-
зался, и совѣтъ его не давала ему покоя.

Возвратившійся къ православію, Матвій
все преповѣдывалъ, что надо жить просто,
какъ всѣ, и онъ все взывалъ:—«Покайтесь,
братцы!»

Убийство совершилось въ Страстную поне-
дѣльникъ.

Матвій сидѣлъ въ кухнѣ и ѣлъ карто-
фель съ масломъ. Аглая, сестра, тоже рас-
кольница, заговорила съ нимъ. Принялъ Яковъ
и сталъ выводить Матвія за плечи. Матвій
слабо отбивался, и схватилъ Якова за во-
ротникъ. Тутъ Аглая ударила неизвестнаго
ей Матвія по темени бутылкой съ масломъ.
и убила. Дашутка, дочь, сидѣла на полу у
печки и съ вѣтками въ рукахъ и, помѣ-
шавшись, все кланялась и говорила:—«Гамъ,
гамъ»!.. Вареный картофель былъ облитъ
кровью. Якову было страшно. Вошелъосто-
ронній свидѣтель,—стало еще страшнѣе.

Разумѣется, Яковъ очутился на Суханинѣ.

Таковъ новый разсказъ Чехова. Хорошъ,
но онъ заставляетъ ждать отъ Чехова друга-
го разсказа.

Рыцарь Зерцаль

<И. И. Ясинский>

Маст. 43